

84/2РосТрд/6
К 63

Сергей Комаров

ИЗРЕЧИЕ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

84(2РосРс)6

К63

Сергей Комаров

ИЗРЕЧИЕ

И+

145766 / 0
/ 66

«РУССКАЯ НЕДЕЛЯ»
Тюмень, 2015

Комаров С.А.
Изречение / книга стихов - Тюмень: Русская
неделя, 2015. - 52 с.

Новая книга Сергея Комарова (1958 г.р.), уроженца Тюмени, включает стихи, написанные им после тридцатипрехлетия, когда качественно изменилась поэтика его текстов.

Автор верит в неслучайность появления и течения «речи», поэтому акцентирует для читателя хронологичность рождения высказывания.

ISBN 978-5-906028-04-4

9 785906 028044

иллюстрации Д. Горбачев
фото С.-М. Граник
верстка М. Бакулин

60x90/16, гарнитура Lazurski
Зак № 69. Тираж 1000 экз.

Подписано в печать 13.01.2015

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом»
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

© Комаров С.А. 2015
© Русская неделя

I.

[1991 - 2001]

Ухо травинки щекочут,
скачет костлявый кузнечик,
и тишина над рекой.

Ходят вверху облака,
как беспокойные женщины.
Ехать — не ехать домой?

Где этот толстый роман,
видимо, кончится грустно —
слишком подвижен герой!

Да и меня ведь любили,
думаю, что тут такого.
Господи, это за мной.

Хоть расставанье без слов,
и бескорыстен итог.
Двери прикрой за собой.

Как чудотворна вода!
Берег уходит, и жар
смыкается над головой.

май 1991 г.

ОБЛАКА

Облака плывут, облака...

А. Галич

О, облака...

И. Бродский

Облака плывут, облака,
молоком плывут с потолка.
Будут плавать и плавать,
да уплыть невмочь,
потому что день,
потому что ночь
впереди стена,
позади стена,
на земле спиной —
неубийственно.
Будут плавать и плавать,
и их нечем крыть.
Облака идут свысока,
потолком идут с молока!
Потому что — день,
потому что — ночь,
потому что — сын,
потому что — дочь,
облака плывут, облака,
с ветерком плывут, как строка,
по земле, в земле,
через грязь и вязь,
не глазами — музей! —
не стенай, не глаза,
в синеве плывут облака,
словно пух волос старика.
Молоком бы плавать из груди,
как река плывет на людей.

сентябрь 1991 г.

***

Мы не хотим мальчика,
мы не хотим девочку,
нам просто хорошо вдвоем.
А мальчик так хочет родиться,
а девочка так хочет родиться,
и хочется им еще
сестренку или братишку.
А нам хорошо с тобой.
Дай откусить эту тонкую пленочку
на нижней губе.
Ты берешь меня за затылок,
и с шеи бегут мурашки,
их много-много,
и бегают они быстро,
ты ведь знаешь это.
Ресницы наши сцепились,
и тонкий запах играет на щеке.
А мальчик так хочет родиться,
а девочка так хочет родиться,
а нам хорошо с тобой.
Ветерок прыгает в окно,
ползет по полу, по стене,
смешной-смешной,
как задранный подбородок.
И хочется им еще

сестренку или братишку.
Ты читала толстые книжки
Толстого? — раньше все их читали.
Хорошо бы поездить на лошади,
полежать на стогу.
Я провожу тебя на вокзал,
мы будем стоять и прощаться.
Не торопись. Медленнее,
медленнее, еще, еще.
Господи! Никому еще не было
так хорошо со мной, и мне тоже.
Не вскрикивай так отчаянно,
я тебе верю. Господи!
И хочется им еще
сестренку или братишку.
И мы — как брат и сестра,
ты помнишь наших родителей,
пусть разные, но они наши,
разве так не бывает.
Мир — как вокзал,
как задранный подбородок,
смешной-смешной,
как толстая книжка,
раньше все их читали,
ты ведь знаешь это,
и нам хорошо с тобой.
Господи! Я тебе верю.

декабрь 1991 г.

***

И море молодо, как я,
и берег близок, словно небо.
Скорей бы тронуть твой рукав,
я это платье так люблю.
Не загибай страницу — знаешь,
там дальше будет интересней.
А женщине чего не посмеяться,
она одна — и может стать поэтом
или детей воспитывать начать.
И видно, что кричат на берегу,
наверно, кто-то утонул, жар душит,
все плывет — и кто поможет, чем?

декабрь 1991 г.

***

Главное — не вспоминать,
чей это волос
в книжке согнулся между страниц.
Странно —
новая книга,
ее не читал я,
и, кроме меня,
открыть ее некому в доме.
Вряд ли ее в магазинах читают,
где можно и так
спятить,
сидючи днями
среди гор
нечистой бумаги,
остывающий запах вдыхая
краски и жизни,
где можно и так
думать,
что ты при деле,
и улыбаться тем, кто приходит
какую-то книжку искать —
и ходит так часто
до неприличия.
Неужели нельзя вместо этого
просто полежать дома,
дотронуться до женщины
(любимой — не любимой),
просто заняться
не бумажным делом, а жизнью,
которая уже почти ушла.
И главное — не вспоминать,
чей это волос
в книжке согнулся между страниц.

май 1992 г.

***

Я дышу и дыхание слышу:
где мое, где твое — разберись.
Мы — как тело, влекомое ввысь,
сумасшедший, взошедший на крышу.

Как возможен и ясен обрыв,
как протяжны паденья и взлеты,
как призывны «любимая, что ты?»!
Тебя настезь во тьму растворив,

в этой раме пространства сплошного,
невесомых пустынных времен
понимаешь, сколь сладостен сон,
что качается снова и снова —

и внутри, и вовне, и в окне,
крестовиной маячившем сбоку,
точно все совершается к сроку
в этой Богом забытой стране.

Наше тело, влекомое ввысь,
сумасшедший, взошедший на крышу,
я дышу и дыхание слышу:
где мое, где твое — разберись.

декабрь 1992 г.

***

Дождик шел через газон,
перепрыгнул кошку он,
оглянулся и метнулся
через крышу, как шпион.

Кошка встретила кота,
осмотрела все с хвоста —
ах, какой ленивый кот,
это, видно, неспроста.

Вышла девочка во двор,
у нее с подругой спор
был вчера почти до ссоры,
будто кот драчун и вор.

Мама девочки прошла,
у нее всегда дела,
к ним приходит новый папа,
а у папы ни кола.

Лучик прыгает в окно,
это скучное кино
полчаса смотрю уже,
и урок идет давно.

1995 г.

***

Вещи стареют — не важен износ их,
лет тридцать пройди — и не будет вопросов.

Из шкафа достанешь пеплу, и что же —
к лицу, но негоже и так непохоже.

Смотришь на карты, не веришь границам,
не веришь названьям, ушедшим как лица.

И вокруг — молоточки тишины.

1995 г.

***

Когда шнурок развязан,
багровея, ты тянешься к нему,
среди толпы не в силах
легко склонить телесный инструмент свой,
и чувствуешь слепое недовольство
плывущих на тебя предметов жизни,
и понимаешь первое бессилье
и злобу на еще вчерашний день,
где твой реактор спал на всех заглушках.

Еще ты не один, еще ты не положен
в промерзлый дом, и комья глины
еще не бьют по деревяшке, смело
никто не верховодит над друзьями,
указывая, как вести, копать, бросать.
Еще ты не оставлен, и к тебе
еще придут, и ты придешь и скажешь:
«Я верю вам и, может, вас люблю».
И женщина, нежнейшая, как радость,
утрами смотрит на тебя, не зная,
что вы, наверно, прожили б отдельно,
но это счастье — быть вседневно вместе,
а разлучаясь, ждать тепла, улыбки,
и слов любви, и рук, уже не властных
себя сдержат в порыве узнаванья, —
все это дар, его дороже нет.

И век вокруг, повязанный сетями
экранов, проводов, железных чудищ,
концлагерей, слывущих государством,
прав и свобод, пропахших кровью;
пришельцев ждущий век, лелеющий дыру
в далекий космос, чтобы идиот
любой кричал в порыве новой власти:
мол, мысль уже нельзя остановить,
и по закону лез в карман глухой старухи,
а после плакал в кадре перед нею —

как воплощением мудрости и жизни,
и обещал воздвигнуть монумент
за сына, мужа, не вернувшихся из боя,
и облученным детям раздавал
конфеты и путевки в Диснейлэнд,
и примиренья дерево садил,
и убеждал: мы все одна семья,
и наши ценности, как органы людей,
пусть примет человечество и скажет —
мы сестры все и братья; мир вам, свет!

Вот город мой посередине мира —
к какому океану ни пойдешь.

Так почему и мне не стать пророком,
а городу — великим центром света,
где жил нормальный честный человек —
работал он в том месте, где юриста
безмозглый труп в войну хранили тайно,
и, лучших положив под небом русским,
воздвигли истуканов без числа,
которым наши матери с отцами
молились и цветы носили к датам,
и мы детьми клялись тем истуканам,
что станем настоящими людьми.
Но, слава Богу, наши дети с нами,
и клятв уже не требуют от них,
они спокойно смотрят в океаны
из центра мира, тихо выбирают
между Востоком, Западом и Югом,
и Севером, что вреден африканцам,
как утверждает школьная программа.
Они не упрекают, они знают,
что век двадцатый кончился — Бог с ним.

Любимая, как хорошо с тобой!

март 1994 г.

ИОСИФУ БРОДСКОМУ

Смерть — это то,
Что бывает с другими.
Точно пальто,
Ты оставишь здесь имя.

Чудо — за так! —
Мировой панихиды.
Этот спектакль
До конца не покинуть.

Наигрыш глуп,
Да и ставят другие.
Полный отлуп,
Дорогие мессии!

Лучший актер
В исторической драме
Слезы отер.
А ведь плакал над нами.

Дышит строка —
Речи часть дорогая —
И облака
Хороводит, играя.

Точно пальто,
Ты оставишь здесь имя.
Смерть — это то,
Что бывает с другими.

июль 1996 г.

ТВОЙ ЦВЕТ

Ты вся в голубом —
Точно утро играешь
И праздничным лбом
На меня припадаешь,
Дерзка и красива.
Губа затекает,
И пес черносливый
Ревниво вздыхает.
Ты вся в голубом —
Счастье ходит по дому,
И каждый атом
Жметя смело к атому.
И праздничным лбом,
И взрывными губами —
Ты вся в голубом,
Точно утро над нами.

август 1996 г.

***

В движениях летней разлуки,
В касаниях моря и сна
Летали за криками руки,
Их тяжба была неясна.

И в знойных припадках и плеске
Ворочался воздух и плыл
По этим пригоркам нерезким
Сквозь шорохи солнечных крыл.

В чудесно немом равнодушии,
Оплаканном звоном цикад,
Сквозь спазм мирового удушья
Вползал на пространства закат.

И в устали тела беспечной
Прохлады пришло острие —
Веселой, далекой и вечно
Зовущей, как платье твое.

август 1996 г.

145766-766

В ОЖИДАНИИ НОВОГО УТРА

1.

Концы вилки втискиваются в розетку,
ток уже пробежал по шнуру,
загорелся экран, на котором
человек отстегнул протез
с левой ноги,
замешкался,
отыскивая ремешок на правой.
У него все получилось,
и чувство свободы
пробежало по телу,
ударило в мозг.
День заканчивался на экране.
Отдыхали протезы,
остывая, теряя запах.
Вилка выдергивается.
Из розетки
ничего не бежит,
и даже тепло
неощутимо,
если ладонью по ней провести.
Страшно однако,
ведь руки только промыты,
и кажется, что они
потянут из дыр
две электрозмей,
которым не будет конца.

2.

Отчего здесь не любят
чистить концы штанин,
отчего столько тонких шнурков
змейками трясутся над ботинками
и кажется, вот бросятся к тебе
и отберут дарованное за день
в этом ненавистном городе,
где не стреляют каждый день
и можно сидеть на тротуаре до вечера
и жевать пыльную булку,
пока взрослые
мимо идут на своих ногах,
но ставят их как протезы,
начиная с пятки
и выравнивая по ней
сытые задницы,
впрочем, у нас на юге
этих задниц тоже немало,
но там до вечера
ты получишь лишь пулю,
и даже пыльная булка
тебя уже не утешит.

3.

Как хорошо касаться твоей щеки,
нежной, прохладной, почти волшебной,
как хорошо целовать тебя,
забираясь языком под верхнюю губу,
как хорошо знать, что нас двое,
а может, уже и больше,
ведь мы этого так хотели.
И ты лежишь на моей руке,
тепло змеится около нас,
уйдя из тела,
освободив пространство
для сна и счастья,
для нового утра.

февраль 1997 г.

ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

*Комочки влажные моей земли и воли...»
О. Мандельштам*

Я уйду под тебя, под игривый песок и под глину,
А хочу в чернозем, прорасти в сущность лучших пород.
Флору, фауну, воздух оставляю во весь разворот,
Задохнусь, захлебнусь, заикнусь да, пожалуй, и сгину.

Будут землю копать тяжело мастера, в матерок,
Лопатою мерить типовой новый глинистый домик.
Мужики, не спеши, дай вам, господи, водочки кроме,
Чтоб по взмокшим рубашам стучал молодой ветерок.

Да о чем говорить, их движенья предельно умелы,
Их клиенты без званий, идут в сантиметрах труда,
Лишь помехою ливень, бредущий с утра до утра,
Землепашцам моим, выводящим скупые пределы.

Я уже на просмотре — я вспорот и узнан врачом,
Я зашит, в холодильник говядиной свежее брошен,
Заморожен, вновь достан, одет, максимально ухожен,
В гроб положен, лежу. Слезы льют — ну а я здесь причем!

Слезы, слезы — зачем, я уже заморожен, не слышу.
Я б хотел повернуться, привстать, чмокнуть вас, дорогих.
Только век мой измерен, он грубо нагляден, как стих,
И уже без меня сумасшедший взбегает на крышу.

Я хочу этот воздух запомнить надорванной хордой,
Только мало могу, лежебока, промерзший насквозь.
Вот и крышка тебе, вот и гвоздь вбит, еще один гвоздь.
К счастью, слезы пока не просохли на вздернутой морде.

Хоть согреют они, когда будут меня опускать,
И полати ровнять, и кидать на полати землицу,
Лишь вороны вверху — погребальные русские птицы —
Будут, нагло галдя, за моими людьми наблюдать.

А потом все уйдут и оставят. Веночки, цветочки,
Крест невзрачный, который я верно и медленно нес.
И остался. Ночуй! Одинокий кладбищенский пес,
Может, скрасит грудным завыванием первую ночь.

Ну а там как пойдет — постучишься направо, налево.
Те же толки, да холод,

беспросветный, бесхитростный мрак!

В прошлом все, не мечтай.

Наливай — новомодный кабак,

Каждый в прошлом король,

ну а каждая — та королева.

В этой тьме, в этой мгле есть услада, по счастью, одна:
О тебе вспоминать, видеть четко, замедленно, жутко
Каждый твой сантиметр,

видеть нас как живых по минуткам.

Вот такая цена, привилегия мертвым дана.

Это горько смотреть, сколько отдано дней на утеху
Пустоте, суете, нелюбви, построеньям ума.
Только книги остались, немые остались дома
Да мучительный, мелкий и гадкий бесенок успеха.

[И З Р Е Ч И Е]

* * *

СК
СЕРГЕЙ КОМАРОВ

[23]

Что было — было прежде,
И умерло — не в счет.
Тебя я буду нежить —
В траву листва стечет.

Тебя я буду нежить
С утра и до утра,
Не чаще и не реже —
Пора, мой друг, пора.

Мы те же и не те же,
Листва с травой вдвоем,
Тебя я буду нежить
И глядь — как раз умрем.

И будут наши вежды
Уже не наяву —
Тебя я буду нежить,
Листву твою, траву.

В окошке смутно брезжит
Частичка бытия,
Тебя я буду нежить —
Листва, трава и я.

Тебя я буду нежить,
Усталый раб мечты.
Узнать еще бы, где же
Листва, трава и ты.

декабрь 1997 г.

Безраздельность железной кровати, упершейся в ночь;
Становясь мужиком и по памяти скромной не шарясь,
Я не знаю, дружище, чем мог бы собрату помочь —
Разве крикнуть, как встарь, беззаботно и твердо «товарищу»!

И не помня себя на подскоке пружины дурной,
Сонный феррум трясся, будто душу со дна доставая,
Не узришь, не поймешь, что случится той ночью с тобой,
Будешь праздно лететь в турникет и под тяжесть трамвая.

Ты запомнишь усталой и мелкой старухи исход
Мимо окон, кольнет незнакомое вялое чувство
Повседневности дней, ввечеру разбирать будут скот,
Демонстрируя сельское миру железа искусство.

По лесам хорошо катануть на лихом мотоцикле —
Это, брат мой, сродни городскому восторгу пружин.
Ни по ржи, ни по лжи к факту жизни еще не привыкли
И летаем по ней, как на праздник пропущенный джин.

Не дури и не ерзай в пробеге пружинистых линий,
Будь достоин и горд, мужиковствуя всласть на миру,
Я, конечно, вернусь, точно старший развесистый Плиний,
И поэтому ночью, увы, по старинке умру.

Можно долго и нежно играть в переплет, в дурака,
Можно нежно и долго сочиться по лестнице кадров,
Но встает корешок и безумием метит в века,
И за ним в изголовье столбняками толпится эскадра.

На пружинах времен опускаясь в сердечную слизь,
Рож и ржи забывая захлеб и над пропастью тая,
В безраздельность кровати покоя и воли уткнись,
Умирай по старинке у кромки занюханной рая.

Я не знаю, дружище, чем мог бы собрату помочь,
Становясь мужиком и по памяти скромной не шарясь.
Безраздельность кровати, железной, упершейся в ночь —
Разве крикнуть, как встарь, беззаботно и твердо «товарищ».

ноябрь 1997 г.

* * *

В ослеплении нежности дерзкой,
В замирании гула утрат,
Доведенный до мерзкого зверства,
Я, изгнанник, вернулся в твой сад.

Я донес тебе чудное имя
Белокурой любви моей,
Начертай это имя в пустынях
И на лицах твоих словарей.

Пусть его барабанят стихии,
Поднимаясь над сушей немой,
Пусть талдычат босые мессии,
Пробираясь в града на постой.

Я готов за Него выпить чашу,
Я готов и взойти за Него.
Охрани ее — стражду — и нашу
Не толкуй жизнь, не ведай всего.

Доведенный до мерзкого зверства,
В замирании гула утрат,
В ослеплении нежности дерзкой
Я, изгнанник, вернулся в твой сад.

В безутешной истошной мольбе,
Приведен белокурой звездой,
Простираю пространство к тебе.
Я твой сын — сотворенный тобою.

Неужели безмолвна так плоть
И в распыл предаются частицы,
И тебе, вездесущий господь,
Не дано в образ свой воплотиться,

Превозмочь эту видимость сил,
Что блуждают над смертными все,
Так о чем ты невнятно просил
Во саду, во саду, во саду ли?..

Что со мною — я дерзок и зол,
В предстоянии нет мне ответа.
И летит в белокурый узор
Жизнь моя, только им и согрета.

ноябрь 1997 г.

МАТЕРИ

С трудом был вынут из тебя,
не выпихнут на свет,
ты не хотела, так любя,
меня отдать им. Нет,

ты знала: все отходит прочь
на свете, а любовь
не зря же любит тьму, и ночь
спешит вернуться вновь.

В ней так легко, когда любим,
так ласково вдвоем,
как брат, покорно серафим
ждет в очередь с мечом.

Родимая, не плачь, прости,
родившийся в тебе,
вкусивши от большой груди
и по лихой губе,

я груб и нежен был с людьми,
но верен до конца,
пока не резали костями
мне поперек лица.

Пускай последняя любовь
тебя опустит в ночь,
прольется вновь большая кровь
рождению помочь

не крошева и месива
на третье число,
а Осипа, ослепшего
от света, где светло.

И не отдать, не выпихнуть,
взлелеять, боже мой.
И дальше только выдохнуть —
за всех, за нас с тобой.

декабрь 1997 г.

МОНОЛОГ ГАМЛЕТА

Все сорок тысяч братьев
Прильнули к изголовью
Твоей, сестра, кровати
И смотрят — не готов ли.

Все сорок тысяч братьев
Оставили семейства
Лишь этой ночи ради,
Глазеть на наше действие.

Все сорок тысяч братьев —
Я б каждого прикончил.
Жаль отчего-то мать их,
Хоть знаю, кто был отец.

И только мыши, мыши
За шторами — не тратьте
Себя! Люблю вас, слышу
Всех сорок тысяч братьев.

декабрь 1997 г.

***

Я не дышал и был уже
спокоен, как кора.
И только мать пришла к душе,
а донеслось: сестра.

Бреду, нет, брежу, вновь бреду —
вот холмик мой, гора.
Я под тебя сейчас приду —
земля моя: сестра.

И жизнь что капля упадет,
как с кончика пера.
За нежный, нежащий исход ...
сестра моя, сестра.

декабрь 1997 г.

1997

Не отворачивайся, солдат.
Президент принес тебе ногу,
И руку тебе тоже вернут,
И мать тебя не узнает.

декабрь 1997 г.

***

Рыбой на берег —
водоросли пожрали кислород —
выбрасываюсь, и вот
никто не верит,
что это я
подыхаю, в песок всасываюсь,
что кончился завод жизни.
Чувствую: тело киснет,
и глаз пустой
мой — ничего в нем
ни днем, ни ночью.
Точно и не был ни рыбой, ни человеком.
Так — небыль!
Где-то слышу птицу, крик.
Но это миг. Никто не верит — берег
берет меня, песок заглатываю —
полон песка. Будто в тисках голова —
давит. Рядом такие же —
не обиженные, а просто
хотевшие жить. Бросьте слова!
Вот — голова, птица стоит над головой
и не жрет меня, брезгует,
а я лежу девицей:
мол, вот-вот — и вся невинность,
круговорот, но та не жрет.

август 1999 г.

***

В этом селе меж Европой и Азией
Жил-был отец. Похоронен, не свят.
Слушаю молча рассказы с пристрастием,
Рода Зызыкиных кровник и брат.

Слушаю, путаясь в датах и судьбах,
Список сверяя имен и колен.
Только под водку и можно уснуть здесь,
Утром очнуться в аду перемен.

С этим не сжиться и не полюбить:
Чужое, чужие — слова и предметы.
В кровном селе и по крови бы жить.
Счастье — несчастье. Беспмятство, где ты?

Рода Зызыкиных мальчик Сергей,
Слушаю молча рассказы с пристрастием,
Пьян и невесел, не ставши добрей
В этом селе меж Европой и Азией.

август 2000 г.

***

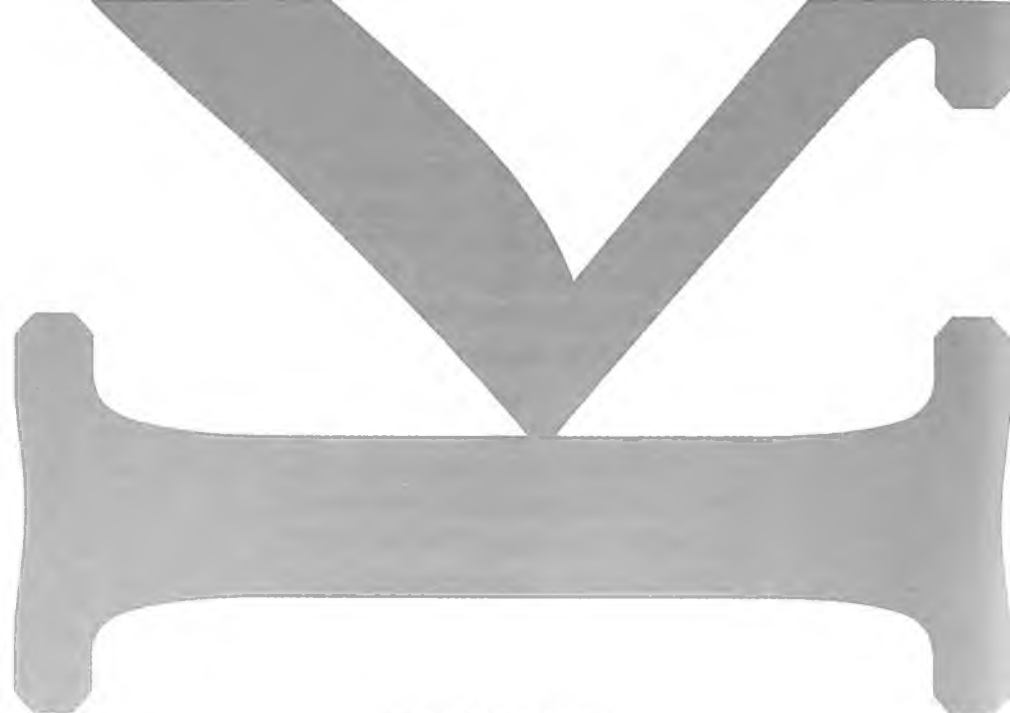
Строчка шла, как ты идешь.
Строчка шла, как ты поешь.
Воздух плыл без голоса.
Ощущенье волоса
на щеке. И нет —
нас ни здесь, ни за словом.
А казалось — славно так
буквы шли на свет.

Буковки построились —
будто не про нас.
Ссорились — рассорились.
Сор на сор — рассказ.
Строчечка на строчечку
косится, ползет.
И на очи — ночечка:
нолик — нолик, счет.

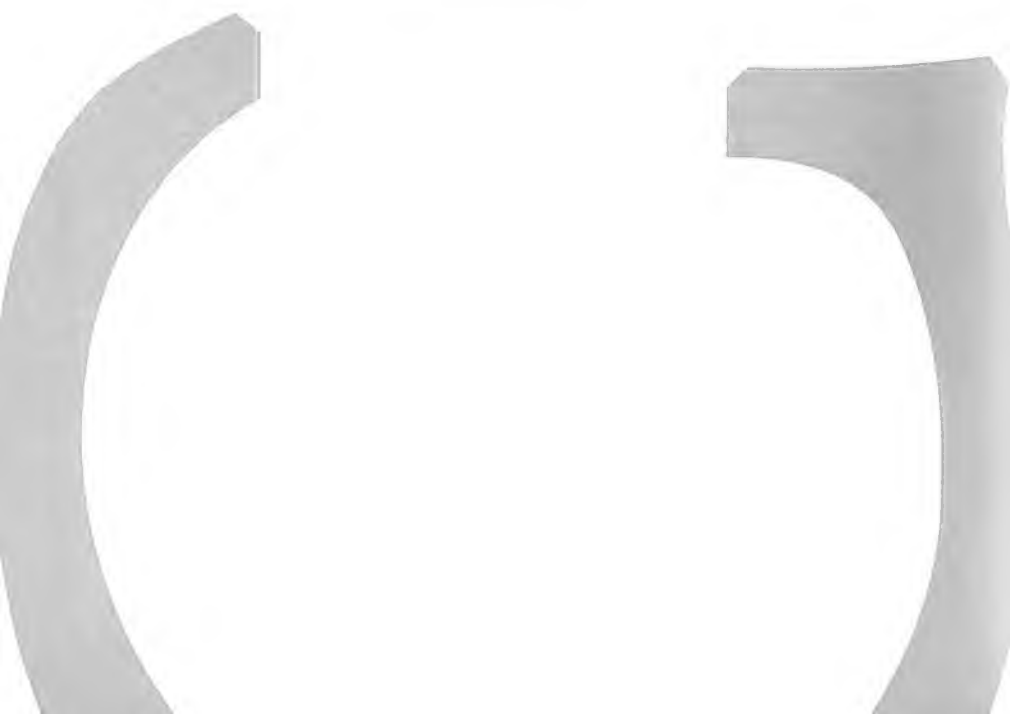
Воздух плыл без голоса.
Строчка шла бумажная.
Ощущенье волоса.
Как из душа, влажная,
в наготе горячая.
Строчка ль, ты ль — отважная?
Шла — не отворачивай.

Ищется — находится,
веруешь — исполнится.
Строчка — не любовница,
слово — не бессонница.
Шла — прошла, как ты идешь,
шла — прошла, как ты поешь.
Ясная, веселая, любимая, как ты.

сентябрь 2001 г.

[ИЗРЕЧИЕ]

II.

[2006 - 2013]

* * *

*Белка песенки поет.
А.С.Пушкин*

На исходе лет, на исходе дня
Молись, белочка, за меня.
Тереби орех, сложив лапочки,
Прогорели все мои лампочки.
Поскрепи скорлупой, помолись.
Разорвав орех, прослезись.

август 2006 г.

* * *

Воздух сносит сознание —
вот такой аромат.
Ты утратил названья
и не хочешь назад.

Эти прорезь и прорезь
мирно надо закрыть —
и, с собою освоясь,
так божественно быть.

Быть уже безгранично
мировой душой,
скорлупою яичной,
солнце скрывшей собой.

август 2008 г.

* * *

И не зрелость, а старость —
И уже до конца.
Ты-то думал: усталость —
Этот пот, что с лица.

Горизонты прекрасны,
Жизнью вечной полны,
Все до капельки ясно,
Что мы были должны.

Все до капельки зримо,
Что бежит по лицу,
Точно новое имя
Представляют Отцу.

Не горячие слезы,
Не придирчивый спор,
Не бросание оземь,
А духовный простор.

Упоение Словом
И безмолвием уст,
Утешение кровом
Беззащитным, как куст.

август 2008 г.

***

Закрыты альбомы – finita.
Закат перекрасил пейзаж,
И древо закатом омыто,
И явь переходит в мираж.

Кончаются детство и юность,
Лишь старость не знает конца,
И ты, как ребенок волнуясь,
Ее достигаешь лица.

Встань к дереву, ближе, чуть ближе,
Здесь просто, как будто кино.
Лишь фото навеки. Простить же?
Всех нет, и то было давно.

Пустое пространство и древо
С фигуркой живой без лица.
Фотограф был справа, а слева –
Пейзаж и полет без конца.

август 2008 г.

* * *

Мертвая птичка лежала,
все обходили ее.

Мышь метнулась от дома,
здесь несытно живут.

В баках шарится человек,
он будто знает, что ищет.

Собака метит пространство,
верит, что это ее.

май 2010 г.

***

Я слушал тишину,
оказалось —
мешаю другим.

май 2010 г.

***

Силы меряешь, виден предел,
А вчера тратил их безоглядно,
Вот и знаю, как город блокадный,
Умирать здесь никто не хотел.

Умирать здесь никто не хотел
И толкаться на торжище. Что же
Так поет, с каждым звуком дороже
Становясь, если близок предел?

Во дворах моих трупы и боль —
Я стою точно город блокадный.
Птичка — певча, легка и отраднa —
Как не дышит, попробуй — уволь.

Слышишь, горлышком дует и дует
Свои песенки, что номера,
А под них и грешно умирать —
И не к месту и вроде бы все.

Бог ты мой, как заходится птичка,
Невеличка, ну, впрямь невеличка,
А ведет, как бессмертная, звук.
Хорошо с ней вступить в переключку,
Взять бы это движенье в привычку.
И без мук раствориться, без мук.

июль 2010 г.

* * *

Этот ветер воздушный —
золотой и бездушный —
твое тело окутал
и не пустит ко мне.
Ты почти улетела,
как небесное тело,
не дотронуться, тронуться —
разве только во сне.
За лесами, горами,
говорят, якорями
блещут, плещут серьгами,
как дома, корабли.
Я гляжу через поле,
на далеком приколе
твое платье кружится
и уходит с земли.
Моя птица родная,
я тебя понимаю,
улетай, ты чудесна,
будь легка, не жалей.
Наше поле убрали,
наше поле вспахали,
и не ждут в нашем поле
никаких кораблей.
Солнце блещет, и в блеске,
как в моем перелеске,
умирают слепые,
что природа, слова.
Блещут, плещутся воды
и уходят под своды,
в поднебесье и в поле
нарастает трава.

июль 2011 г.

* * *

Ты так откровенна
И так вдохновенна,
А вижу и знаю другую.
Не помнишь? Целую.

Зачем эти краски,
Детали, развязки.
Еще только слово — умру я.
Не веришь? Целую.

Верни меня в сад,
В этот обжитый ад,
На эту подушку пустую.
Как прежде целую.

Открыты все двери,
Открыты потери.
Но пятясь и тычась вслепую —
Забывшись, целую.

июль 2011 г.

* * *

Ах, слепое коварство —
Это летнее царство.
Только солнце и ночь.
Только встречи — разлуки,
Только губы и руки —
Не разъять, не помочь.

Наше лето уходит
На большом пароходе,
Горлом страсти гудит.
Прижимался — к кому же,
Говорил: только дружим.
К лету жался, небрит!

Молний пляшут удары,
Бьют в веселые пары —
Не разъять, не помочь.
Ни побриться, ни смыться —
Прижимать, возноситься!
Только солнце и ночь.

июль 2011 г.

ПОБЕДИТЕЛЬ

От шумов и лиц к стене
отвернувшись от страны,
он лежал после войны
лет сто сорок.

Песни пели о войне,
заводили гимн страны,
подносили квас, блины
и клялись, что дорог.

Только известь на стене,
пролежни, безводье,
да отцовские поводыя,
что не вырвал ворог.

На незримой стороне
у большой стены
он лежал после войны —
незлатой теленок.

май 2012 г.

* * *

Ослепший от света
черный квадрат
уже не отпустит:
в себя ли, назад.
Квадратик стиха —
мой могильщик и брат,
и счастье, поверь, —
уложиться в квадрат.

сентябрь 2012 г.

* * *

«где лица наши будущим согреть»
Б. Рыжий

Подняв страницу, ты перевернешь,
И будут фото — десять лет во мраке.
А ты моя, моя: кусок собаке,
А после ей и в сладость нежный нож.

Иди в меня, коли, верти, дырявь!
Злобись, родная, я уже не гордый —
Верчу покорно, как собака, мордой
Вслед за подачкой: малая, но явь.

Люби меня, то фото было раньше.
Дай отлистать: вот, вот глядит оно.
Иди в меня, и до конца, без фальши —
Немое черно-белое кино.

А ты — моя, ты вьешься, бьешься флагом,
Ты вся дрожишь и голову дерешь.
Дырявь меня, мечи из кухни нож —
Собаке старой он знаком и лаком.

И все, кончай — альбом закрой, не плачь.
Не повало — диван разбит, невзрачен.
Ты просто дура, и зачем иначе
Нам было жить, я помню этот скач.

Прижмись ко мне, ах, черт возьми, родная!
И запах тот, а платье где — летишь...
Здесь наша крыша, хорошо средь крыш —
Среди железа без конца и края.

Закрой глаза и не смотри в альбом,
Уйди от края, не скользи словами,
Они и так повитерлись с годами,
Зачем слова тем, кто умрет вдвоем.

Как хорошо растаять на ноже —
Я не шучу, уже закрыты двери,
И комната, где раненые звери,
Наполнена их снимками уже...

Иди в меня!

ноябрь 2012 г.

* * *

Этот город казался младым,
Этот город дышал нашей кожей,
В нем мы были, как дети, похожи,
Целовались с тобою и с ним.

Покажи эту женщину мне —
Мои губы ее обожали,
Мои руки ее провожали
И не трогали вдоль по спине.

Я не думал, что так тяжело.
Все как прежде — и тряпки, и деньги,
А идешь будто пьяный на стенку
И проходишь ее как назло.

Я-то знаю те вспышки судьбы,
Те колени, носящие землю
На себе, как животные, — внемлю
Только им: вот слабеют, слабы.

Ах, какой непорочный покой!
Взгляд какой, и рука на отлете.
Что смеешься! Зачем вы живете
С этой женщиной, с этим со мной?

На золе, на заре, навсегда
Распровавшись с собой и квартирой,
Я уйду, как любитель из тира
Настрелявшись в животных. Ах, да! —

Ты о чем? За столом — на заре!
Ты ее не буди... Где и кто я?
Ест товарищ — супец, и второе,
И десерт: все, как надо, в золе.

ноябрь 2012 г.

I.

Он стучит по подоконнику,
у него такая работа,
он хочет, чтобы о нем узнали —
и я услышал, узнал — дождь.
Он перестал стучать, как умер.
Кто запомнил его —
травинки, земля, кто?
Ты далеко, девочка моя,
у вас дождей почти не бывает,
некому стучать в подоконник,
твой папа еще жив.

II.

Мы шли вечером домой,
я держал тебя за руку
и пел тебе взрослую песню.
Ты думала о чем-то своем,
а я все пел — до конца,
свой немодный репертуар.
Потом мы перестали ходить,
и я пел его уже только себе.
Ты помнишь хоть строчку?
Ты помнишь — я пел?

III.

Бабушка отрезала себя
на нашей с тобой фотографии —
она казалась себе некрасивой,
а мы так любили ее.

Мамочка, где ты сейчас?
Земля над тобой молчит,
я обижал тебя —
и простить меня некому.
Я смотрю в обрезанное фото,
где за ломаной линией — ты...

IV.

Ты далеко, и наша собака выросла без тебя,
она состарилась и лежит — вздыхает.
Она не узнает тебя и облеет уже как чужую.
У нее был инсульт, потом уколы, уколы —
она пободрела, но мы ждем ухудшения.
Мы радуемся ее аппетиту, ее настроению.
Девочка моя, чему радуешься ты?
Твой папа еще жив.

V.

Читал книгу и навернулись слезы,
будто ослеп — вспомнил о тебе.
Вечером мыл руки и зачем-то их долго мылил,
а вода все текла и текла,
била по умывальнику,
как дождь в подоконник.
Долго смотрел на руки —
чистые, мокрые, старые.
Сколько воды потрачено в жизни на них?
Вот и я умыл руки, будто закончил дела
и с меня не спросят,
а дела теперь только у тебя.

май 2013 г.

НА ДОРОГЕ С КЛАДБИЩА

Этот мертвых город
Тянется за мной,
Дергает за ворот,
Шепчет: мальчик мой.

май 2013 г.

* * *

Я искал тебя, а ты
пряталась, как вошь.
Мне от этой красоты
честно невтерпеж.

Жизнь моя, прижмись ко мне —
я дурной от слез.
Все пойдет как на войне —
с криком и вразнос.

Не ищи движений, слов —
в лад крылами бей.
Я не нищий птицелов —
не ломаю шей.

Достаю и достаю,
закрепим — летим!
Мы как дети, мы в раю,
мы с тобой и с Ним.

май 2013 г.

* * *

И зачем они вкусили:
Слово ж — Бог!
Без страданий и усилий
дать им мог.
Не гневись, но опыт первый
восприми,
это страсти, это нервы —
стать людьми.
Не молчи, отец, поверь нам —
сына жаль.
Не спросил его ты верно —
выслал вдаль.
Слов народный палисадник —
жизнь Христа
с уст сорвется и осядет
на уста.

июнь 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. [1991-2001]

«Ухо травинки щекочут...».....	4
Облака.....	5
«Мы не хотим мальчика...».....	6
«И море молодо, как я...».....	8
«Главное — не вспоминать...».....	9
«Я дышу и дыхание слышу...».....	10
«Дождик шел через газон...».....	11
«Вещи стареют — не важен износ их...».....	11
«Когда шнурок развязан...».....	12
Иосифу Бродскому.....	14
Твой цвет.....	15
«В движениях летней разлуки...».....	16
В ожидании нового утра.....	17
Торжество земледелия.....	20
«Мальчик у моря сидит, смотрит в даль...».....	22
«Что было — было прежде...».....	23
«Безраздельность железной кровати, упершейся в ночь...».....	24
«В ослеплении нежности дерзкой...».....	25
Матери.....	28
Монолог Гамлета.....	29
«Я не дышал и был уже...».....	30
1997.....	30
«Рыбой на берег...».....	31
«В этом селе меж Европой и Азией...».....	32
«Строчка шла, как ты идешь...».....	33

II. [2006-2013]

«На исходе лет, на исходе дня...».....	36
«Воздух сносит сознание...».....	36
«И не зрелость, а старость...».....	37
«Закрты альбомы — finita...».....	38
«Мертвая птичка лежала...».....	38
«Я слушал тишину...».....	39
«Силы меряешь, виден предел...».....	39
«Этот ветер воздушный...».....	40
«Ты так откровенна...».....	41
«Ах, слепое коварство...».....	42
Победитель.....	43
«Ослепший от света...».....	44
«Подняв страницу, ты перевернешь...».....	44
«Этот город казался молодым...».....	45
Неотправленные письма дочери.....	46
На дороге с кладбища.....	49
«Я искал тебя, а ты...».....	49
«И зачем они вкусили...».....	50

НОВАЯ ЦЕНА
120 руб. — коп

Новая книга Сергея Комарова (1958 г.р.), уроженца Тюмени, включает стихи, написанные им после тридцатитрехлетия, когда качественно изменилась поэтика его текстов. Автор верит в неслучайность появления и течения «речи», поэтому акцентирует для читателя хронологичность рождения высказывания.

РУССКАЯ НЕДЕЛЯ